Сорок калик (3)

Собирались-соезжались до́бры мо́лодцы,
Да тридцать юдалых добрых молодцев,
Исподелали они себе клюки-посохи,
Испошили себе шубы бархатны,
Да сорок калик со каликою,
Идут-то калики чисты́м полём.
Да долго пое́тця, скоро скажетця,
Идут калики чисты́м полём,
Навстречу едет солнышко Выладымир-царь.
Да конь под им серы́м-серо́й,
А сам на коне белы́м-бело́й.
Да шли вси молодцы приюдалые,
Увидали солнышка Владымира,
Испотыкали клюки-посохи
Во ту же во матушку сыру́ землю́,
Исповесили шубы бархатны на свои клюки —
Кланяютса Владымиру челобитием:
«Уж ты здраствуй, солнышко Владымир-князь!
Сотвори нам милосыньку подушевную,
Хошь единую нам золотую гривну́!»
Да спрашиват солнышко Владымир-князь:
«Уж вы ой еси, калики перехожие!
Куда вы идёте, куды правите?»
Отвечают как добры молодцы:
«Идём мы в Ерусалим-град
Богу молитьця, светой гробнице поклонитьця».
Говорит Владымир таково́ слово́:
«Уж вы ой еси, калики перехожие!
У меня нет при себе ницего.
Пойдите́ вы в Еруса́лим-град,
Приворачивайте в стольней Киев-град
Ко той же кнегины матери Опраксее,
Подаст вам милосыньку подушевную,
Хошь единою она вам золоту́ гривну́».
Распростились удалы добры молодцы,

Да взели́ они шубы бархатны,
Да взели́ они клюки-посохи,
Идут в чисто поле и пригоовариват,
Да взяли меж собой велик залог:
«И кто у нас в городе соврёт и солгёт,
Да кто у нас в городе заворуется,
И кто у нас в городе забледуется,
Того нам судить, право́, свои́м судо́м:
Закопа́ть его ноне по грудя́м в землю́,
Язык-от его вынеть теменем,
Да ясные оци вынеть косицами».
Заходят удалы добры молодцы
Во той же славный Киев-град,
Ко тому двору княженецкому,
Ко тому же окошечку косявщету,
Из рецей калики выговариват:
«Ой еси, кнегина мать Опраксея!
Сотвори нам милосыньку подушевную,
Единую нам ты золоту гривну!»
Вскрывает мать кнегина Опраксея окошечко косявщето:
«Да милости прошу во гридню светлую!»
На то ле калики не ослышались,
Посылали они Самсона Колыбановича.
Заходит удалый добрый молодец
Во ту ли он в гридню в светлую.
Ей крест ле кладёт по-писа́ному,
Поклон-от ведёт по-учёному,
Молитву творит полну Исусову,
Он кланяетця во все четыре стороны:
«Уж ты здраствуй, кнегина мать Опраксея!
Сотвори ты нам милосыньку подушевную,
Хошь единую ты нам золоту́ гривну́!»
Говорит ли мать кнегина Опраксея:
«Заходи ко мне по-прежнему, по-досельному».
(*Она прежде его-то знала*.)
«Ой ты ой еси, кнегина мать Опраксея!
Нейду я во гридню тебе спаленку».
Говорит кнегина таково́ слово́:
«Дай мне суму бархатну —

Нейдёшь в гридню светлую,
Положу я в суму золоту́ гривну́».
Положила же чару золотую во сумочку.
Пошёл юдалый добрый молодец
На тое же крыльцо [на] красное,
Пошли юдалы добры молодцы в чисто полё.
Да долго пое́тця, скоро сказываетця.
Приехал солнышко Владымир-князь из чиста́ поля,
Заходит во гридню тёплу спаленку,
Хватилса он своей золотой цяры́,
Без которой он не пил, не ел.
Говорит Владымир таково слово:
«Ой ты ой еси, кнегина мать Опраксея!
Куды ты девала золоту цяру́,
Без которой я не пью, не ем?»
Говорит мать кнегина таково́ слово:
«Приходили калики перехожие,
Украли у тя да золоту цяру́».
На то Владымир не ослышался,
Из рецей Владымир выговариват:
«Уж ты ой еси, Олёшенька Попович блад!
Пойди-ко, Олёшенька, на конюшен двор,
Выводи себе коня доброго,
Поедь-ко, Олёшенька, во чисто́ поле,
Настиги́ калик перехожих,
Спроси у их ли, спрове́дай же,
Не попала ли к им золота цяра́».
На то-де Олёшенька не ослышилсэ,
Пошёл-то Олёшенька вон на улицу,
[На тот же пошёл на конюшен двор,]
Выводил себе коня доброго,
Садился на коня доброго,
Поехал Олёшенька во чистое поле.
Настигает калик добрых молодцев,
Из рецей-то Олёшенька выговариват:
«Ох вы ой, калики перехожие!
Уж вы же та сорока загуменная!
Вы зацем упрятали у Владымира
Да ту цяру золотую?»

Да тут калики остановилисе,
Поворотили от Олёшеньки назад глаза,
Сняли Олёшу с добра́ коня,
Нахлестали Олёшеньку по жопу,
Дали все по алабушу,
Посадили Олёшу на добра́ коня́,
Едва Олёша на коне́ сидит.
Приехал Олёша в стольный Киев-град,
Ко тому же крылечку прекрасному,
Ко тому же солнышку Владымиру,
От того же Олёшеньки ответу нет.
Говорит-то солнышко Владымир-князь таково́ слово:
«Ох ты ой еси, Добрыня Никитич млад!
Снаряди своего коня доброго,
Поедь-ко, Добрыня, в поле чистое,
Настиги́ калик перехожих,
Спроси, спроведай,
Не попалась ли моя золотая цяра́,
[Без которой цяры́ я не пью, не ем]».
Не то-де Добрынюшка не ослышался,
Скоро ставал с лавочки дубовой,
Надевал на себя платье цве́тное,
Да выходил Добрыня вон на улицу,
Выводил себе коня доброго,
Садился на коня ён на доброго,
Поехал Добрыня во чисто́ поле,
Настигает Добрынюшка калик перехожиих.
Увидал ён калик добрыих,
Кругом объеждят калик же,
Вставает каликам наперёд же,
Спускается Добрыня с добра коня:
«Вы здраствуйте, калики добры молодцы!
Вы скажите нынеча, спроведайте,
Куды поехали, куды направились?
Ох вы ой еси, калики добры молодцы!
Вы были у нас в городе в Киеве,
Не попалась ли вам цяра золотая
Того же солнышка Владымира,
Без которой [цяры́ он не пьёт, не ест?]»

Обыскали они свои сумы-де бархатны,
Нашли у Самсона Колыбановича
Да ту же нонь цяру золотую
Да отдали Добрыне Микитичу.
Закопали Самсона Колыбановича по грудям в землю́.
Распростилса Добрыня Микитич млад,
Поехал Добрыня в стольный Киев-град.
Идут калики чистым полем,
Зашли калики в Еруса́лим-град,
В ту же церковь божию,
Увидали во церкви добра молодца,
Того же Самсона Колыбановича,
Тут ему в ноги пали, стали прощатися.

(Зап. Астаховой А. М.: 23 июля 1929 г., д. Великая Виска, Ненецкого нац. округа — от Дитятевой Прасковьи Ивановны, 69 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.